

Научная статья | Original paper

Влияние предметного контекста этически нагруженной ситуации и бэкграунда образовательно-профессиональной группы на применение морального запрета

Е.И. Горбачева, К.В. Кабанов, А.А. Косова ✉

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Калуга, Российская Федерация
✉ KosovaAA@tksu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Включение предметного контекста этически нагруженной ситуации и бэкграунда группы как переменных, определяющих применение морального запрета, позволяет установить связь моральных решений с предыдущим опытом и раскрыть предметно-содержательную специфику идентификации, структурирования и разрешения морального противоречия в этически двусмысленной ситуации. Такая постановка проблемы задает необходимость пересмотра сложившейся в психологии морали традиции в изучении морального запрета как общей предрасположенности следовать универсальным ценностям в своих суждениях и поведении.

Цель. Обосновать роль контекстуальных переменных в рамках реалистичных сценариев действия морального запрета с учетом критериев его применения и установить эти критерии проявления в условиях как одностороннего, так и совместного влияния типа этически нагруженных ситуаций и бэкграунда образовательно-профессиональной группы.

Дизайн исследования. Анализируются особенности применения морального запрета в этически нагруженной ситуации студентами, принадлежащими разным образовательно-профессиональным группам («юристы», «медики», «педагоги»). Оценивается значимость влияния разных типов предметных контекстов ситуаций (профессионально-маркированных, профессионально-нейтральных и житейских) на дисперсию показателей императивности, полноты, аргументированности и согласованности применения морального запрета представителями указанных групп.

Участники. Исследование проведено в КГУ им. К.Э. Циолковского на выборке, включающей студентов трех образовательно-профессиональных групп («юристы», «медики», «педагоги»). Всего — 195 человек, 137 девушек и 58 юношей, возраст $M = 20,02$; $SD = 1,34$.

Методы. Ситуационная методика «Принятие решения в этически нагруженной ситуации», включающая 12 ситуаций с предметно-профессиональным (право, медицина) и житейским контекстом применения морального запрета.

Результаты. Выявлен диссонанс между императивностью применения морального запрета и его аргументированностью в профессионально близком («юристы») и житейском («педагоги») контекстах. «Медики» применяли более зрелую моральную аргументацию в медицинских ситуациях, «юристы» в «близких» для себя ситуациях (право), напротив, прибегали к аргументам социально-конвенционального характера. Сравниваемые группы отличаются

избирательным задействованием критериев морального запрета: «медики» проявили меньшую готовность к строгому следованию моральному запрету, что сказывалось на более низкой, по сравнению с другими группами, согласованности; «юристы» с усилением императивности своего решения повышали согласованность применения запрета. Установлено, что модераторами такой вариативности являются бэкграунд группы и предметный контекст ситуации: бэкграунд воздействует на императивность морального запрета и полноту описания морального противоречия, тогда как контекст этически нагруженных ситуаций влияет только на аргументированность. При этом бэкграунд группы и контекст ситуации не взаимодействуют в процессе применения морального запрета значимым образом.

Основные выводы. Применение морального запрета обусловлено как различающимися предметным контекстом ситуаций, так и бэкграундом образовательно-профессиональных групп, а именно — их опытом ориентации и рассуждения в содержательно релевантном контексте профессионально-маркированных ситуаций.

Ключевые слова: моральный запрет, этически нагруженная ситуация, предметный контекст, бэкграунд образовательно-профессиональной группы

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-10189, <https://rscf.ru/project/23-28-10189/>.

Для цитирования: Горбачева, Е.И., Кабанов, К.В., Косова, А.А. (2025). Влияние предметного контекста этически нагруженной ситуации и бэкграунда образовательно-профессиональной группы на применение морального запрета. *Социальная психология и общество*, 16(3), 122–143. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160307>

The influence of the subject context of an ethically charged situation and the background of an educational and professional group on the application of a moral prohibition

E.I. Gorbacheva, K.V. Kabanov, A.A. Kosova ✉

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation

✉ KosovaAA@tksu.ru

Abstract

Context and relevance. The inclusion of the subject context of an ethically charged situation and the background of the group as variables determining the application of a moral prohibition allows us to establish a link between moral decisions and previous experience and reveal the substantive specifics of identifying, structuring and resolving moral contradictions in an ethically ambiguous situation. This formulation of the problem calls for a revision of the tradition established in moral psychology in the study of moral prohibition as a general predisposition to follow universal values in their judgments and behavior.

Objective. To substantiate the role of contextual variables within realistic scenarios of the moral prohibition, taking into account the criteria of its application, and to establish how these criteria manifest themselves in conditions of both unilateral and joint influence such as ethically loaded situations and the background of an educational and professional group.

Research design. *The article analyzes the peculiarities of the application of moral prohibition in an ethically burdened situation by students belonging to different educational and professional groups (“lawyers”, “doctors”, “teachers”). The significance of the influence of different types of subject contexts of situations (professionally labeled, professionally neutral, and everyday) on the variance of indicators of imperativeness, completeness, reasonableness, and consistency in the application of moral prohibition by representatives of these groups is assessed.*

Participants. *The study was conducted at K.E. Tsiolkovsky Moscow State University on a sample of students from three educational and professional groups (“lawyers”, “doctors”, “teachers”). Total — 195 people, 137 girls and 58 boys, age $M = 20,02$; $SD = 1,34$.*

Methods. *Situational methodology “Decision-making in an ethically burdened situation”, which includes 12 situations with a subject-professional (law, medicine) and everyday context of the application of moral prohibition.*

Results. *The dissonance between the imperative of applying a moral prohibition and its reasonableness in professionally intimate (“lawyers”) and everyday (“educators”) contexts is revealed. “Doctors” applied more mature moral reasoning in medical situations, “lawyers” in situations “close” to themselves (law), on the contrary, resorted to arguments of a socially conventional nature. The compared groups differ in the selective use of criteria of moral prohibition: “doctors” showed less willingness to strictly follow the moral prohibition, which resulted in lower consistency compared to other groups; “lawyers” increased the consistency of the application of the prohibition with increasing imperativeness of their decision. It is established that the moderators of such variability are the background of the group and the subject context of the situation: the background affects the imperative of the moral prohibition and the completeness of the description of the moral contradiction, whereas the context of ethically loaded situations affects only the reasonableness. At the same time, the background of the group and the context of the situation do not interact in a meaningful way during the application of the moral prohibition.*

Conclusions. *The application of the moral prohibition is due to both the different subject context of situations and the background of educational and professional groups, namely, their experience of orientation and reasoning in the meaningfully relevant context of professionally labeled situations.*

Keywords: *moral prohibition, ethically loaded situation, subject context, background of an educational and professional group*

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 23-28-10189, <https://rscf.ru/project/23-28-10189/>.

For citation: Gorbacheva, E.I., Kabanov, K.V., Kosova, A.A. (2025). The influence of the subject context of an ethically charged situation and the background of an educational and professional group on the application of a moral prohibition. *Social Psychology and Society*, 16(3), 122–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160307>

Введение

Все известные попытки концептуализации в рамках моральной психологии феномена интериоризации моральных норм делают акцент на том, что субъект

выстраивает свое поведение в соответствии с моральным запретом. Последний императивен, ведь его содержание предполагается к исполнению. Запреты воплощаются в этических принципах или

общих установках моральных суждений, решений и действий. «Запрет может принимать форму конкретного предписания, утверждающего обязательность блага как такового. Запрет всегда обращен к Я морального агента, но вместе с тем актуализирует обязательную ответственность за благо Другого» (Гусейнов, 2013).

Согласно эгзистивскому подходу, в этической сфере действуют целенаправленные размышления и рассуждения человека, и именно они играют роль в формировании его нравственных привычек и моральных убеждений (Van Grunsven, 2018; Varela, 1999). Например, обдумывание и анализ являются важными процессами для приобретения и пересмотра моральных интуиций. Моральные представления, суждения и нормы могут вступать в противоречие с другими областями социального и предметного знания и даже друг с другом. Например, стремление к равенству и справедливости может быть подчинено соображениям групповой идентичности и локальной просоциальности, а ценности благополучия могут вступать в противоречие с моральной ценностью справедливости. В этот момент моральное рассуждение и обдумывание приобретают особую значимость, поскольку они способствуют более адекватному применению универсальных принципов благополучия, справедливости и уважения к личности, особенно когда они противостоят друг другу в условиях неравенства власти и влияния между людьми (Killen, Dahl, 2021). Например, во время пандемии COVID-19 особое внимание уделялось соблюдению правил, чтобы защитить себя и здоровье сообществ, и то, в каком моральном контексте эти предписания преподносились людям, влияло на их отношение к свободным пере-

мещениям как к моральному запрету, а не просто конвенциональной норме, вводимой администрацией (Francis, McNabb, 2022).

Х. Де Ягер и Э. Ди Паоло предложили концепцию «совместного осмысления», которая определяется как «координация целенаправленной деятельности в процессе взаимодействия, в результате чего затрагиваются индивидуальные процессы осмысления и могут быть созданы новые области социального осмысления, которые были недоступны каждому человеку по отдельности» (De Jaegher, Di Paolo, 2007). Подобный тезис можно найти и у Ф. Варелы: «...мы приобретаем этическое поведение примерно так же, как приобретаем все остальные модели поведения: они становятся для нас прозрачными по мере того, как мы взрослеем в обществе... и очевидно, что эксперт по этике — это не что иное, как полноправный участник сообщества: мы все являемся экспертами, потому что все мы принадлежим к устоявшейся традиции, в которой чувствуем себя как дома» (Varela, 1999).

Индивид, относящийся к определенному сообществу, обязательно обладает неявным знанием правил осмысленной деятельности в его рамках. Оно особым образом проявляется в решении задач практической деятельности и передается путем личных контактов и релевантных содержанию деятельности нарративов, как правило, в результате профессионального обучения (Елисеева, 2011; Носуленко, Самойленко, 2016; Самойленко, Богданова, 2017). И хотя индивидуальные убеждения и ценности выступают в качестве фильтра, через который пропускаются подобного рода знания, но уже на начальной стадии овладения «азами» профессии «начинают работать механизмы “обратной проекции”

в виде сформировавшихся образов и моделей поведения, ограничивающих идентификацию и толкование изучаемого материала» (Akkerman, Bakker, 2011).

С этой точки зрения образовательно-профессиональная группа может рассматриваться как своего рода «решетка/сеть» («grid» в терминологии М. Дуглас (Douglas, 2003)), то есть как форма внутренней социальности, обладающая некоторым предпосылочным знанием «background knowledge». Это знание включает в себя специфическую эрудицию, неявные профессиональные навыки, культурные и социальные установки, которые абитуриент, а позже студент, формирует как вне формальной учебной программы вуза (уже при принятии решения о выборе образования, а также в процессе подготовки к поступлению), так и по ходу обучения в нем. Интегрируя в себе базовые моральные ориентиры, оно задает эмоциональный и личностный фон, необходимый для интерпретации этически нагруженных ситуаций (далее — ЭНС), что, возможно, проявится в контекст-зависимом применении морального запрета.

Положение о том, что бэкграунд образовательно-профессиональной группы может оказывать влияние на применение морального запрета, определяется следующими характеристиками функционирования коллективного знания в социальных контекстах. В разрешении моральных противоречий в содержательно близкой сфере представители образовательно-профессиональной группы при всем индивидуальном своеобразии своих способов действия и их обоснования проявляют общность подхода. Здесь проявляется коммуникативная социальность как «неотъемлемое качество всякой социализированной лич-

ности, которая восприимчива к тем или иным нормативным групповым правилам» (Антоновский, 2015). Речь не идет об устойчивой приверженности просоциальным нормативам, в том числе в сфере применения морального запрета. В ЭНС влияние бэкграунда группы проявляется в нахождении решения, главный признак которого не моральное совершенство, а пригодность в разрешении морального противоречия (Улановский, 2009).

Метод

Под применением морального запрета подразумевается, что он актуализируется в процессе морального мышления, включающего этическую квалификацию ситуации, ее интерпретацию, обоснование выбора направления действия и, наконец, принятие решения об использовании его как регулятива, ограничивающего возможности иного, отклоняющегося от него решения (Горбачева, Кабанов, 2024). Другими словами, в ЭНС моральный запрет на каждом мыслительном этапе принимает форму конкретного действия, которое является ответом на вызовы определенных эпизодов ситуации.

В изучении применения морального запрета важно учесть не только то, склонен ли человек осознавать моральную значимость ситуации или хочет ли он вообще поступать морально, но и то, с какой степенью обязательности он должен действовать в конкретной ситуации. Поэтому в качестве первого критерия применения морального запрета рассматривается его *императивность*. Но важно не только раскрыть, склонен ли человек осознавать моральную значимость ситуации или хочет ли он вообще поступать морально, а и выяснить то, как применяется моральное «измерение»

к данной ситуации. Чтобы лучше понять, как моральные агенты «взвешивают» сообщения в конкретной ситуации принятия решения, необходимо включить в состав измеряемых характеристик актуализации морального запрета критерии, способствующие операционализации такого «взвешивания»: *полнота* структурного описания компонентов морального противоречия; *аргументированность* необходимости следования моральному запрету или уклонения от него; *согласованность* в императивности, полноте и аргументированности применения морального запрета (Горбачева, Кабанов, 2024).

Первая цель настоящего исследования — изучить, как студенты разных образовательно-профессиональных групп применяют моральный запрет в ЭНС с знакомым им профессионально-маркированным и профессионально-нейтральным контекстом. Особенности таких ситуаций заключаются в том, что в них действуют не только разные и требующие обязательного применения универсальные моральные принципы, но и то, что эти принципы представлены в среде моральных правил, поддерживаемых профессиональными стандартами и этическими ожиданиями лиц, действующими в рамках соответствующих социальных институтов и сфер деятельности. В данном исследовании в качестве таковых рассматривались ситуации с реалистичными сценариями: юридически значимые ситуации, ситуации из медицинской практики и ситуации повседневного социального взаимодействия. В каждой ситуации был представлен сценарий, в котором действующий персонаж поставлен перед выбором обойти или применить моральный запрет в условиях давления моральных ценностей универсального и

группового уровня, моральных правил и социально-конвенциональных норм сообщества, к которому принадлежит этот персонаж (моральный агент).

Сравнивались показатели применения морального запрета в трех образовательно-профессиональных группах, которые можно считать социально типичными с точки зрения восприимчивости к этическим вопросам в постановке и решении профессиональных задач. Основными группами сравнения стали «юристы» и «медики», в качестве контрольной группы были взяты «педагоги», в бэкграунде которых юридические и медицинские вопросы не были «близкими», но тем не менее стимулируемая опытом их обучения этическая «зоркость» могла некоторым образом проявиться и сыграть свою роль в качестве ориентира в выделении и структурировании морального содержания и его актуализации в принятии решения как в житейских, так и профессионально-маркированных ситуациях. Будем исходить из того, что применение морального запрета обладает определенным уровнем специфичности, то есть этот запрет при всей универсальности его назначения является ответом на вызовы определенных контекстуальных характеристик ситуации, которые студенты разных образовательно-профессиональных групп будут интерпретировать различным образом в зависимости от того, житейская ли эта ситуация, профессионально-нейтральная («далекая») или же профессионально «близкая».

Вторая цель исследования — выявление роли влияния бэкграунда образовательно-профессиональной группы на характер контекстуальных переменных применения морального запрета. Это позволит лучше понять, как взаимодействуют его различ-

ные критерии в моральной квалификации, структурировании и интерпретации ЭНС, а следовательно, может способствовать лучшему пониманию того, как развивается моральное мышление в рамках скрытого научения и функционирования «фоновых» убеждений у студентов и помочь лучше выявлять возможные ограничения в обоснованности моральных решений в группах, отличающихся бэкграундом.

Поскольку это первое исследование, расширяющее состав предметных контекстуальных переменных в рамках реалистичных сценариев действия морального запрета с конкретизацией критериев его применения и изучающее, как эти критерии изменяются в условиях как одностороннего, так и совместного влияния типа ЭНС и бэкграунда образовательно-профессиональной группы, можно выдвинуть лишь предварительные гипотезы о межгрупповой вариативности применения морального запрета. Правомерно предположить, что такая переменная, как социально-эпистемические характеристики группы, может усилить влияние «содержательно близкого», релевантного группе контекста ЭНС на полноту, аргументированность и согласованность моральных оснований запрета как императива действия морального агента.

Гипотеза 1: контекст-зависимая вариативность показателей применения морального запрета проявится во всех образовательно-профессиональных группах, и ее характер будет различным в зависимости от бэкграунда сравниваемых групп, что найдет отражение как в различиях меры выраженности императивности, полноты, аргументированности, так и особенностях их взаимосвязи.

Гипотеза 2: бэкграунд образовательно-профессиональной группы и контекст

ЭНС по-разному влияют на применение морального запрета, и эффект их взаимного действия проявится только в отношении содержательно релевантных для группы ситуаций.

Результаты выполнения ситуационной методики, полученные в группах «юристов», «медиков» и контрольной группы («педагогов»), были включены в систему дескриптивной статистики (средняя, стандартное отклонение). Для проверки гипотез об одностороннем и взаимном влиянии независимых переменных предметного контекста и бэкграунда образовательно-профессиональной группы на совокупную и раздельную актуализацию показателей морального запрета был использован множественный дисперсионный анализ (MANOVA). Корреляционный анализ по Пирсону позволил уточнить предположение о специфическом характере взаимосвязи показателей, характеризующих применение морального запрета в профессионально-маркированных и житейских ситуациях. Статистическая обработка результатов проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics 19.

Методика исследования. Методика «Принятие решения в этически нагруженной ситуации» включала 12 реалистичных ситуаций, отражающих предметно-профессиональный и житейский контексты применения морального запрета (по 4 для каждого контекста). Сценарии ситуаций были взяты из интервью с представителями медицинских и юридических профессий, а также реальных случаев из житейской практики, которыми делились их участники или свидетели в социальных сетях. Пример бланка с описанием ситуации представлен на рис. 1.

Ситуация 2. Сомнительное назначение

Вы работаете врачом в клинике и обращаете внимание на то, что Ваш коллега назначает своему пациенту тип препарата, который, по вашему мнению имеет много побочных эффектов и может серьезно навредить последнему. В частном разговоре с коллегой Вы тактично делитесь своим опытом работы с этим препаратом и указываете на его серьезные недостатки. Он благодарит Вас за рекомендации и говорит, что примет их к сведению, однако Вы замечаете, что назначения он не изменяет. Несмотря на Ваши опасения, Вы принимаете решение не вмешиваться в действия своего коллеги.

Оцените, насколько правильным является принятое Вами решение по шкале от 1 до 7, где 1 – абсолютно неправильно, 7 – абсолютно правильно. Обведите соответствующую цифру.

1	2	3	4	5	6	7
---	---	---	---	---	---	---

Приведите аргументы, подтверждающие оценку принятого Вами решения:

Рис. 1. Пример бланка с формулировкой ЭНС, которая использовалась в качестве стимульного материала, и инструкцией к ней

Fig. 1. An example of a form with the ENS formulation, which was used as an incentive material and instructions for it

На этапе разработки методики устанавливалась межэкспертная надежность в обосновании структурной гомогенности всех трех типов ситуаций и типичности их профессионального содержания. Структурная гомогенность ситуаций вошедших в состав методик оценивалась по двум параметрам: во-первых, ценностная однородность конфликта, который был положен в основу морального противоречия – противостояние универсальной ценности и локального социального контракта во всех 12 ситуациях (например, ценность человеческой жизни и лояльность по отношению к коллегам); во-вторых, композиционная однородность ситуации (в каждой из 12 ЭНС ее главный герой нарушал универсальный мо-

ральный запрет, отдавая предпочтение действию в соответствии с социальным контрактом). Установлено, что согласованность оценок мнений трех экспертов оказалась достаточно высокой. Самая высокая степень согласованности мнений всех экспертов выявлена для ситуаций с медицинским контекстом ($w = 0,91$). Коэффициенты конкордации для ситуаций с правовым и житейским контекстом составили $w = 0,78$ и $w = 0,77$, что также свидетельствует о хорошей степени согласованности. Содержательная валидность методики рассчитывалась путем определения ее способности к дифференциации полученных результатов для разных профессионально-образовательных групп «медики» и «юристы», в

которые вошли студенты старших курсов ($n_1 = 38$ и $n_2 = 38$). Расчет индекса дискриминации показал, что ситуации с разным предметным контекстом характеризуются удовлетворительной валидностью ($D = 0,33$ для правовых ситуаций и $D = 0,31$ для медицинских ситуаций).

Процедура исследования. Респондентам предлагалось, во-первых, оценить правильность принятого в каждой конкретной ситуации решения и, во-вторых, обосновать, почему данное решение получило ту или иную оценку применительно к интерпретируемой ситуации (см. рис. 1).

К первой инструкции прилагалась оценочная шкала (семибалльная шкала Лайкерта с градациями от категоричного неприменения к категоричному применению), которая позволяла бы судить о степени *императивности*, с которой испытуемый предлагает следовать за действовавшему им моральному запрету. Баллы считались инверсивно: чем в меньшей степени исследуемый соглашался с принятым решением, тем больший «вес» получала императивность морального запрета (соответственно, оценки распределялись от 1 балла — нарушение морального запрета до 7 баллов — следование ему).

Вторая инструкция побуждала к мыслительной активности (квалификация релевантного содержания, структурирование условий, интерпретация противоречий, обоснование способа действия), в рамках которой требуется актуализировать моральные принципы. В соответствии с разработанными ранее и апробированными кодировочными категориями и единицами контент-анализа (Антоновский, 2015; Капустин, 2008) измерению подлежали: *полнота* структурного описания ситуации (охват основных компонентов морального

противоречия; ценностей участников ситуаций и мотивов им следовать, ограничивающих их моральных принципов общего и группового уровней) (использовалась шкала от 0 до 1,5 в зависимости от числа упоминания всех упомянутых компонентов морального противоречия); *аргументированность*, то есть моральная релевантность атрибуции действия агента, которая оценивалась по шкале от 0 до 2 баллов: 2 балла — моральный запрет рассматривается в его сущностных характеристиках (как универсальная ценность: например, любая жизнь неприкосновенна), 1 балл — моральный запрет рассматривается в терминах моральных аргументов в соответствии с этическими принципами корпоративных стандартов поведения (например: проявлять уважение к вышестоящему лицу или следовать этическим правилам поведения в организации); 0,5 балла — гибридная атрибуция с использованием моральных и неморальных аргументов; 0 баллов — неморальная атрибуция. *Согласованность* применения морального запрета определялась как постоянство в: императивности, обоснованности, в полноте структурирования и характере аргументации в обосновании морального запрета, и ее показатель рассчитывался как соотношение долей баллов, полученных за схожие ответы, к общей сумме баллов по каждому из измеряемых показателей (от 0 до 100).

Ситуации с прилагаемыми к ним оценочной шкалой и формой для свободного ответа представлялись в рандомизированном порядке. Проверка ответов осуществлялась последовательно тремя экспериментаторами. Данные испытуемых, которые вызвали разногласия в оценке в соответствии с предложенными критериями, исключались из дальнейшего анализа.

Выборка. В исследовании участвовали 220 студентов вторых курсов Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, обучающихся по программам «Юриспруденция», «Медицина», «Педагогическое образование», «Специальное дефектологическое образование». После удаления невнимательных (9), неполных (16) ответов из общего массива опрошенных в окончательную выборку вошли 85 юношей и 110 девушек, при этом в субвыборки (образовательно профессиональные груп-

пы) «медиков», «юристов» и «педагогов» оказалось включено одинаковое число участников (65 человек). Возраст участников составил $M = 20,02$; $SD = 1,34$.

Исследование было проведено в ноябре 2023—феврале 2024 г.

Результаты

В табл. 1 представлены данные дескриптивной статистики по всем измеряемым показателям морального запрета, полученные в группах «юристов», «медиков» и «педагогов».

Таблица 1 / Table 1

Средние значения и стандартные отклонения показателей применения морального запрета в группах с разным образовательно-профессиональным бэкграундом и в изменяющихся предметных контекстах

The average values and standard deviations of indicators of the application of moral prohibition in groups with different educational and professional backgrounds and changing subject contexts

Показатели применения морального запрета / Indicators of the application of moral prohibition	Контекст этически нагруженной ситуации / The context of ethically charged situation	Результаты группы / Group results					
		«Юристы» / “Lawyers”		«Медики» / “Doctors”		«Педагоги» / “Educators”	
		<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Императивность / Imperativeness	П / L	4,97	2,15	4,64	1,91	4,57	1,99
	М / M	5,07	1,97	4,58	2,09	4,65	2,18
	Ж / E	4,69	2,24	4,38	2,09	4,85	2,07
Полнота / Completeness	П / L	0,25	0,44	0,31	0,4	0,35	0,39
	М / M	0,25	0,33	0,32	0,35	0,31	0,38
	Ж / E	0,3	0,38	0,31	0,38	0,35	0,41
Аргументированность / Argumentativeness	П / L	0,28	0,44	0,4	0,59	0,36	0,46
	М / M	0,49	0,72	0,6	0,76	0,56	0,75
	Ж / E	0,53	0,73	0,47	0,66	0,56	0,74
Общая согласованность / Overall consistency	П / L	23,15	10,82	20,7	13,42	18,87	10,15
	М / M	24,52	12,23	22,72	14,03	24,98	11,96
	Ж / E	25,78	13,8	19,93	12,16	26,78	12,86

Примечание: П — правовой, М — медицинский, Ж — житейский, *M* — среднее, *SD* — стандартное отклонение.

Note: L — legal, M — medical, E — everyday, *M* — mean, *SD* — the standard deviation.

Применение методов множественного вариативного анализа (MANOVA) с взаимодействием позволило уточнить, как образовательный бэкграунд и контекст ситуаций способны оказывать влияние на моральный запрет с учетом всех применяемых критериев. На рис. 2 представлена визуализация результатов MANOVA для фактора «бэкграунд образовательно-профессиональной группы».

Можно заметить, что сравниваемые группы отличаются избирательным воздействием критериев морального запрета в ЭНС. Бэкграунд «медиков» проявляется в повышении уровня аргументированности и снижении импера-

тивности, что сказывается на более низкой, по сравнению с другими группами, согласованности. Бэкграунд «юристов» проявляется в возрастании императивности и согласованности применения запрета. Бэкграунд контрольной группы («педагоги») не отражает специфические особенности применения морального запрета ни в одном из показателей.

Представленные в табл. 2 результаты MANOVA показывают, что и бэкграунд образовательно-профессиональной группы, и контекст ЭНС значимым образом влияют на величины всех четырех показателей морального запрета: $F(2) = 7,56$, $p < 0,001$ и $F(2) = 12,31$, $p < 0,0001$ соот-

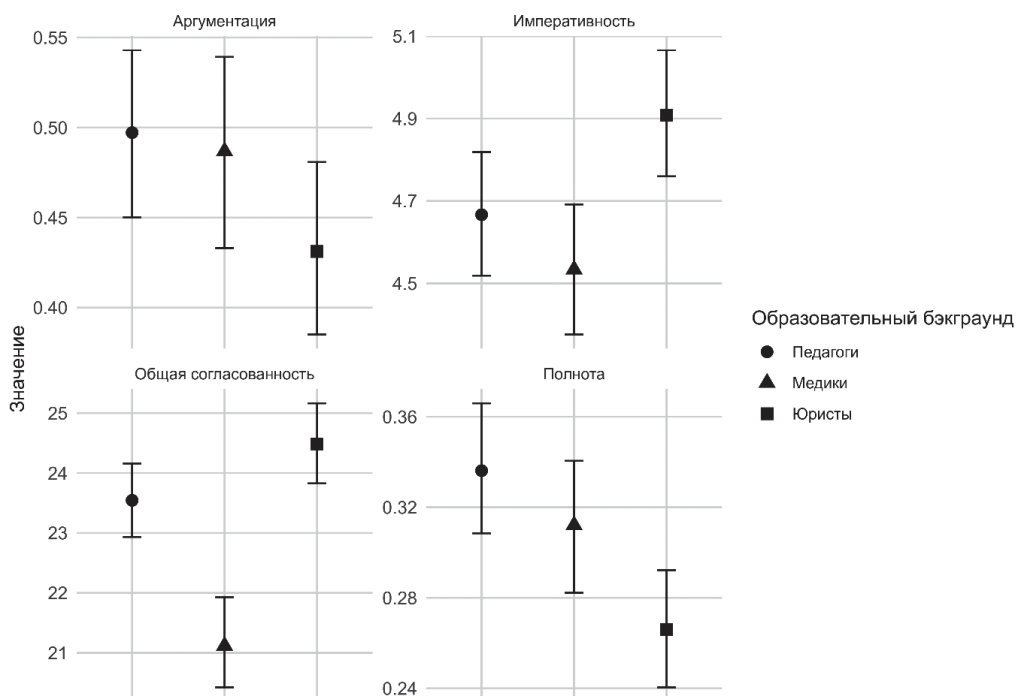

Рис. 2. Средние значения и доверительные интервалы применения морального запрета в группах, отличающихся образовательно-профессиональным бэкграундом

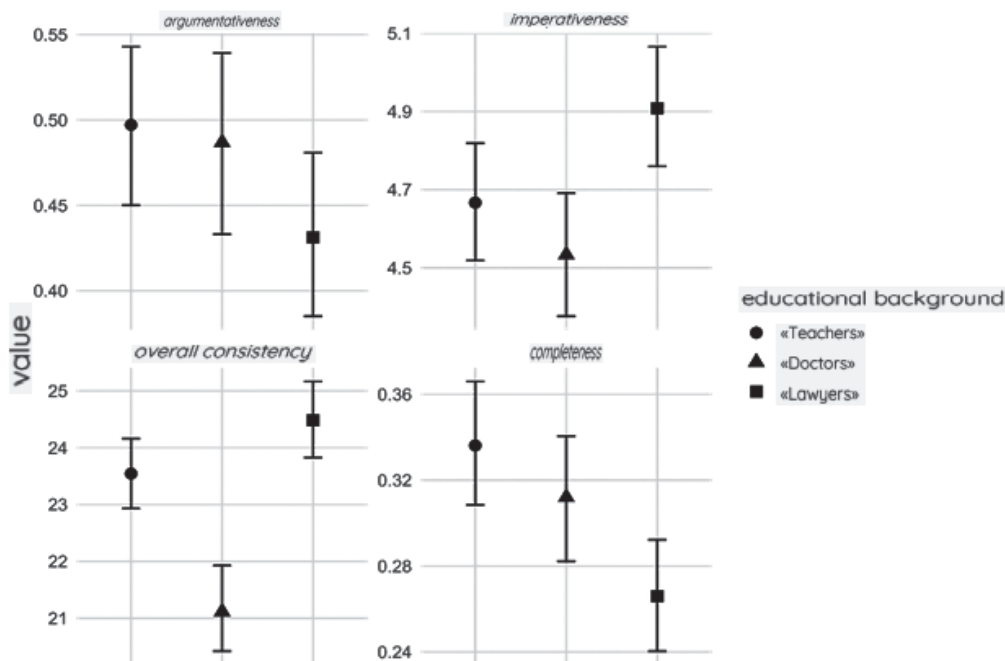

Fig. 2. Average values and confidence intervals of moral prohibition in groups with different educational and professional backgrounds

ответственно. Исходя из того, что в дисперсионной модели были представлены несколько соотносящихся друг с другом зависимых переменных, для оценки величины факторных эффектов использовался многомерный критерий След Пиллаи (Pillai's Trace). Его значения для факторов бэкграунда группы и контекста были примерно равны (0,029 и 0,047). Анализ вклада бэкграунда в дисперсию величин всех показателей применения морального запрета показал, что, судя по величине размера эффекта, его влияние ($\eta^2 = 0,03$) почти не отличается от силы воздействия контекста ($\eta^2 = 0,05$).

Результаты дисперсионного анализа (ANOVA с взаимодействием) позволили

конкретизировать влияние этих двух факторов на каждый из критериев применения морального запрета по отдельности.

Как показано в табл. 2, характер обусловливания применения морального запрета не одинаков для факторов: императивность, как и полнота охвата компонентов морального выбора, находится под статистически значимым воздействием бэкграунда, но не контекста. Напротив, фактор контекста статистически значимым образом определяет вариативность величин аргументированности и согласованности. Вместе с тем необходимо отметить, что все выявленные факторные эффекты характеризуются малым или средним размером, что не позволяет их

Таблица 2 / Table 2

**Результаты анализа одностороннего и взаимного влияния бэкграунда
образовательно-профессиональной группы и контекста этически нагруженной
ситуации на императивность и полноту, обоснованность и согласованность
применения морального запрета**
**The results of the analysis of the unilateral and mutual influence of the background
of the educational and professional group and the context of the ENS
on the imperative and completeness of the validity and consistency
of the application of the moral prohibition**

Показатель / indicator	<i>F</i> , эмпирическое значение / <i>F</i> , empirical significance	<i>p</i> , уровень статистической значимости / <i>p</i> , the level of statistical significance	Величина эффекта h^2 / Effect size h^2
Все зависимые переменные / All dependent variables (MANOVA)			
Б / В	7,58	0,001	0,03
К / С	12,21	0,001	0,05
БК / ВС	1,18	0,27	-
Императивность / Imperativeness			
Б / В	6,65	0,001	0,08
К / С	0,62	0,54	-
БК / ВС	2,15	0,07	-
Полнота / Completeness			
Б / В	5,94	0,002	0,03
К / С	0,59	0,55	-
БК / ВС	1,63	0,64	-
Аргументированность / Argumentativeness			
Б / В	2,04	0,13	-
К / С	19,80	0,001	0,13
БК / ВС	2,14	0,07	-
Согласованность / Consistency			
Б / В	2,13	0,12	-
К / С	4,86	0,01	0,03
БК / ВС	1,58	0,17	-

Примечание: Б — бэкграунд, К — контекст этически нагруженной ситуации, БК — бэкграунд и контекст.

Note: В — background, С — the context of ethically charged situations, ВС — background and context.

рассматривать в качестве основных предикторов для того или иного показателя применения морального запрета. Из

результатов, представленных в табл. 2, видно, что среднее весомый вклад вносит предметный контекст в дисперсию аргу-

ментированности ($F(2) = 19,80; p < 0,0001$, $\eta^2 = 0,13$) и малый по размеру эффекта вклад — в согласованность ($F(2) = 4,86$, $p = 0,01$, $\eta^2 = 0,03$), но при этом не оказывает значимого и выраженного эффекта на дисперсию императивности и полноты. То есть в изменяющемся предметном контексте выбор аргументов и уровень их моральной зрелости с допустимой степенью вероятности (13%) будет варьироваться, что нельзя с уверенностью предположить в отношении других показателей морального запрета. Влияние фактора бэкграунда на дисперсию императивности запрета характеризуется средним размером эффекта ($\eta^2 = 0,08$) и слабо влияет на полноту охвата компонентов морального выбора ($\eta^2 = 0,03$).

Эффекты межфакторного взаимодействия оказались незначимыми для всех показателей морального запрета, что свидетельствует о независимом воздействии факторов бэкграунда и предметного контекста на величины каждого из этих показателей по отдельности. Этот результат указывает на то, что отношение к запретам как основаниям рассуждения и решения в осуществлении морального выбора проявляется независимо от предметного контекста ситуаций, в которых он осуществляется даже при условии, если все эти ситуации релевантны опыту и «фоновым» убеждениям образовательно-профессиональной группы.

Для более содержательного понимания как сходств, так и различий в применении морального запрета был проведен корреляционный анализ по Пирсону, направленный на поиск особенностей взаимосвязи между исследуемыми показателями в ситуациях с профессионально-маркированным, профессионально-

нейтральным и житейским контекстом. На рис. 3 представлены корреляционные матрицы, полученные в сравниваемых группах (с указанием только статистически значимых корреляционных связей).

Можно заметить, что только у «юристов» выявлены случаи слабой связи между аргументированностью и согласованностью ($r = 0,26$, $p < 0,04$, $R^2 = 0,06$) и отсутствие значимой связи между согласованностью и полнотой в «близкой» им ситуации. В этой же группе были получены самые сильные корреляционные зависимости между императивностью и согласованностью применения морального запрета, что проявилось во всех типах ситуаций, но с большей демонстративностью в правовом контексте ($r = 0,81$, $p < 0,001$, $R^2 = 0,65$). Указанный коэффициент детерминации свидетельствует о том, что 65% дисперсии результатов согласованности можно объяснить вкладом императивности, предписывающей, с какой степенью моральной обязательности должно действовать в правовой ситуации. Подобный характер соотношения согласованности и императивности был выявлен и у «медиков», и у «педагогов», но вклад последней оказался выражен с меньшей очевидностью, чем это имело место у «юристов».

Обращает на себя внимание, что только у «медиков» показатели морального запрета, применяемые в профессионально «близких» для них ситуациях, образуют единый согласованный паттерн: все интеркорреляции указывают на высокозначимые положительные связи, за исключением взаимосвязей императивности с полнотой и аргументированностью со слабым размером эффекта ($r = 0,31$, $p = 0,02$, $R^2 = 0,10$ и $r = 0,29$, $p = 0,03$,

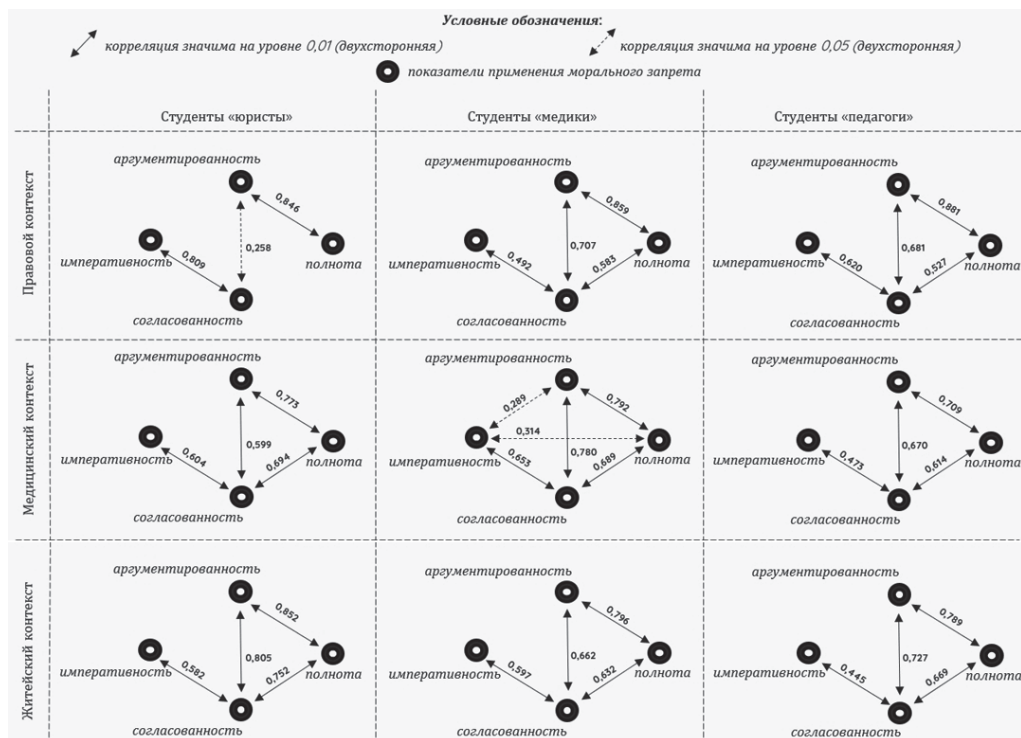

Рис. 3. Корреляционные плеяды показателей применения морального запрета в ЭНС с профессионально-маркированным (право, медицина) и житейским контекстом в группах с разным бэкграундом («юристы», «медики», «педагоги»)

$R^2 = 0,08$). В профессионально-нейтральных и житейских ситуациях корреляционные зависимости между критериями морального запрета как у «медиков», так и у «юристов» отличались сопряженностью показателей морального запрета (рис. 3). Важно подчеркнуть, что характер взаимосвязей между критериями морального запрета у «педагогов» и в более знакомом для них житейском контексте, и в менее знакомом — профессионально маркированном — не отличался.

Примечательно и то, что полученные в группах корреляционные матрицы вза-

имосвязей показателей морального запрета оказались полностью схожи только для житейских ЭНС. Во всех сопоставляемых группах и независимо от предметного контекста выявлены сильные связи между полнотой и аргументированностью: полученные коэффициенты двусторонней связи свидетельствовали о тесной связи (от 0,702 до 0,881 при уровне значимости $p < 0,001$), а значения коэффициентов детерминации (R^2) указывали на достаточно высокую меру взаимной сопряженности этих показателей (от 0,50 до 0,78).

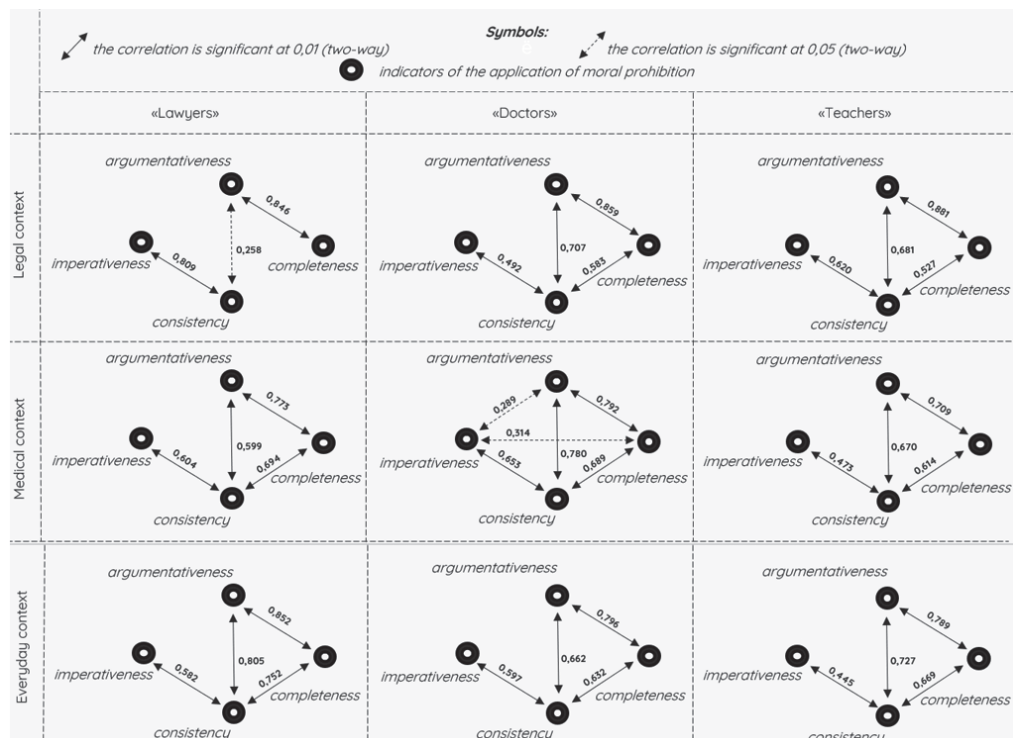

Fig. 3. Correlational pleiades of indicators of the application of moral prohibition in the ENS with professionally labeled (law, medicine) and everyday context in groups with different backgrounds (“lawyers”, “doctors”, “teachers”)

Выявленные различия между образовательно-профессиональными группами подтверждают правомерность первой гипотезы о специфичном характере выраженности показателей применения морального запрета в изменяющихся контекстах ЭНС.

Вместе с тем проведенные сопоставления не дали ответа на вопрос: какой из факторов влияет на вариативность его показателей — предметный контекст ситуации, бэкграунд образовательно-профессиональной группы, а возможно, и их взаимодействие?

Обсуждение результатов

Выявленное методами многомерной статистики отсутствие статистически достоверного эффекта взаимодействия между исследуемыми факторами является свидетельством того, что образовательно-профессиональный бэкграунд группы и предметный контекст ЭНС не являются взаимодействующими, а значит связанными факторами, и поэтому должны рассматриваться отдельно. Вместе с тем, если рассматривать их соотношение, то с учетом выдвинутых выше гипотез и проведенных сопоставлений и

анализа вариативности показателей применения морального запрета стоит отказаться от признания того, что это независимые факторы, которые сами по себе определяют выраженность показателей применения морального запрета. Обоснованно полагать, что один из факторов является основным предиктором применения морального запрета (контекст), а другой фактор — образовательно-профессиональный бэкграунд группы — выступает медиатором его влияния.

Выявлен диссонанс между императивностью применения морального запрета и его аргументированностью в группах в профессионально близком («юристы») и профессионально-нейтральном («юристы», «медики») и житейском («юристы», «медики» и «педагоги») контекстах. Показатели императивности у представителей этих групп в целом оказались более выражены (находятся в диапазоне средних результатов), чем показатели готовности обосновать свой выбор с привлечением морально зрелых аргументов (здесь преобладали низкие и близкие к средним результаты). Если исследуемые поддерживали применение морального запрета, то при этом его необходимость чаще обосновывалась морально иррелевантными или незрелыми аргументами. Или же, напротив, пренебрегая запретом в принятии решения, исследуемые использовали аргументы высокоморального уровня. У медиков в «близких» им медицинских ситуациях императивность и аргументированность морального запрета действовали сопряженно, но судя по величине корреляционной связи и коэффициента детерминации, сила императивности запрета определялась не только весомо-

стью и моральной зрелостью используемых аргументов. Важно отметить, что «юристы» чаще, чем «медики», осуществляли обоснование принимаемого решения с позиций конвенциональной морали и не прибегали к «сильной этической аргументации». Следует подчеркнуть, что для того, чтобы обосновывать преимущественно правовую направленность решения в его соотнесенности с признанием моральной неприемлемости неправомерных способов поведения с позиции их опасности как для отдельного индивида, так и для общества в целом, требуется сопряженный уровень нормативопринятия и в правовой, и в нравственной сферах (Акимова, Галстян, 2021). Возможно, это явилось одной из причин, объясняющих рассогласование между императивностью применения запрета и его релевантным обоснованием у «юристов».

Исходя из результатов предыдущего исследования, в котором участвовали группы со схожим бэкграундом (Горбачева, Зыкова, Кабанов, 2024), ЭНС с житейским контекстом подлежали более развернутой интерпретации, что сопровождалось повышением уровня моральной зрелости используемых аргументов. В рамках же настоящего исследования уровень аргументированности в житейских ситуациях изменялся в зависимости от того, какой группе они предъявлялись: у «медиков» она снижалась, у «педагогов», напротив, возрастала, тогда как у «юристов» она не изменялась и оставалась на таком же уровне, как и в медицинских ситуациях.

Коэффициенты интеркорреляции показателей применения морального запрета указывают на то, что этот процесс не является внутренне однородным процессом,

в котором полнота описания ситуации морального выбора сопряжена с признанием запрета как императива надлежащего действия морального агента. Эта связь оказалась сильнее в профессионально «близких», чем в «далеких» контекстах. Различия в силе корреляционных связей между критериями морального запрета, полученные в разных ситуациях, послужили явным подтверждением потенциальной значимости характеристик контекста для понимания психологической реальности морального запрета, который актуализируется в пространстве между определением «моральности» ситуации до принятия направляемого им решения.

В настоящем исследовании имеются некоторые ограничения. Исследование проведено на выборке студентов вторых курсов, не проходивших учебную практику, которая могла бы обеспечить ознакомление с профессиональными кодексами и моральными правилами, принятыми в реальных организациях. Возможно, включение в выборку студентов старших курсов могло с большей очевидностью продемонстрировать эффекты влияния бэкграунда группы на вариативность применения критериев морального запрета.

Определенную роль в выявленных случаях расхождения между полнотой обоснования ЭНС и их моральной аргументацией могли иметь различия между участниками в уровнях их моральной зрелости, в сформированности этических понятий, выполняющих роль ориентиров в интерпретации морального противоречия, словом, всех потенциально связанных с моральным выбором индивидуально-психологических особенностей. В рамках данного исследования они были намеренно вынесены за рамки анализа.

Несмотря на все эти ограничения, настоящая работа характеризуется научной новизной. Это одно из первых исследований, в которых психологическая реальность морального запрета раскрывается посредством характеризующих его критериев — императивности, полноты, аргументированности и согласованности в их предметной специфичности и вариативности в изменяющихся контекстах ЭНС. Такая научная перспектива позволяет выйти за границы сложившейся в психологии морали традиции исследования запрета как общей предрасположенности следовать универсальным ценностям в своих суждениях и поведении.

Заключение

Включение предметного контекста как переменной, определяющей применение морального запрета в профессионально-маркированных и житейских ЭНС, позволяет преодолеть такое ограничение широко используемых в психологии морали гипотетических сценариев, как отсутствие связи принимаемых решений с «предпосылочными» знаниями и предыдущими моральными выборами. Сопоставления конкретных выборов с разделяемым участниками эксперимента общими моральными ценностями в подтверждение валидности используемых моделей только усложняет картину. Так, оперируя критериями универсальности или, напротив, относительности морального требования в не связанных друг с другом в гипотетических сценариях «жертвенных» дилемм, люди каждый раз оказываются в отдельных «моральных вселенных», далеких от реальных обстоятельств их

жизни. Но, что особенно существенно, принимаемые моральные решения не встроены в сеть других решений в составе образовательного, профессионального бэкграунда индивидов и их групп.

Основной результат проведенного исследования заключается в том, что и бэкграунд образовательно-профессиональной группы, и предметный контекст оказывают влияние (хотя и не сильное) на применение морального запрета в ЭНС. Но при этом надо отметить, что и бэкграунд, и контекст ситуаций вносят в этот процесс разные вклады: импера-

тивность в большей мере определяется «фоновыми» знаниями образовательно-профессиональной группы, аргументированность как мера моральной зрелости аргументов в отношении запрета находится под более выраженным влиянием предметного контекста. Согласованность, обеспечивающая преемственность моральных рассуждений и решений в ЭНС, а также полнота их структурного описания и необходимости действовать в них одинаково слабо зависят как от их предметного контекста, так и от бэкграунда группы.

Список источников / References

1. Акимова, М.К., Галстян, О.А. (2021). Взаимосвязь умственного развития студентов с морально-нравственными регуляторами социального взаимодействия. *Социальная психология и общество*, 12(1), 162–176. <https://doi.org/10.17759/SPS.202112011>
Akimova, M.K., Galstyan, O.A. (2021). Interrelation of students' mental development with moral and moral regulators of social interaction. *Social psychology and society*, 12(1), 162–176. <https://doi.org/10.17759/SPS.202112011>
2. Антоновский, А.Ю. (2015). *Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки*. М.: ИФ РАН, 2015.
Antonovsky, A.Y. *The communicative philosophy of knowledge: from the theory of communicative media to the social philosophy of science*. Moscow: IF RAS.
3. Горбачева, Е.И., Зыкова, Е.А., Кабанов, К.В. (2024). Интерпретация этически нагруженных ситуаций молодыми людьми: зависимость от предметного контекста и индивидуально-типологических характеристик. *Российский психологический журнал*, 21(3). <https://doi.org/ORG/10.21702/QVDTC714>
Gorbacheva, E.I., Zyкова, E.A., Kabanov, K.V. (2024). Interpretation of ethically loaded situations by young people: dependence on the subject context and individual typological characteristics. *Russian Psychological Journal*, 21(3). <https://doi.org/10.21702/QVDTC714>
4. Горбачева, Е.И., Кабанов, К.В. (2024). Контекстуальные и индивидуальные детерминанты применения морального запрета в этически нагруженной ситуации. *Вопросы психологии*, 70(2), 15–23.
Gorbacheva, E.I., Kabanov, K.V. (2024). Contextual and individual determinants of the application of moral prohibition in an ethically loaded situation. *Questions of psychology*, 70(2), 15–23.
5. Гусейнов, А.А. (2023). Нравственность в свете негативной этики. *Мораль: разнообразие понятий и смыслов: сборник научных трудов. К 75-летию академика А.А. Гусейнова* (с. 13–63). М.: Альфа М.

- Huseynov, A.A. (2023). Morality in the light of negative ethics. *Morality: a variety of concepts and meanings: a collection of scientific papers. On the 75th anniversary of Academician A.A. Huseynov* (pp. 13–63). Moscow: Alfa M.
6. Елисеева, Л.А. (2011). Наставничество и сторителлинг как эффективные способы трансляции неявного знания. *Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*, 1, 46–49.
Eliseeva, L.A. (2011). Mentoring and storytelling as effective ways of translating implicit knowledge. *Bulletin of the University of Pomerania. The series "Humanities and Social Sciences"*, 1, 46–49.
 7. Капустин, Б.Г. (2008). Критика кантовской критики «права лгать». *Логос*, 5, 122–143.
Karustin, B.G. (2008). Criticism of Kant's criticism of the "right to lie". *Logos*, 5, 122–143.
 8. Носуленко, В.Н., Самойленко, Е.С. (2016). К вопросу построения системы описания и передачи когнитивного опыта профессионала. *Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2015-2016* (с. 80–96). М.: Московский институт психоанализа.
Nosulenko, V.N., Samoylenko, E.S. (2016). On the issue of building a system for describing and transmitting the cognitive experience of a professional. *Psychological and psychoanalytical research. Yearbook 2015-2016* (pp. 80–96). Moscow: Moscow Institute of Psychoanalysis.
 9. Самойленко, Е.С., Богданова, И.В. (2017). Современные представления о типах знания и опыта в психологических исследованиях проблемы их капитализации. *Экспериментальная психология*, 10(4), 74–95. <https://doi.org/10.17759/EXPPSY.2017100406>
Samoylenko, E.S., Bogdanova, I.V. (2017). Modern ideas about the types of knowledge and experience in psychological research and the problems of their capitalization. *Experimental psychology*, 10(4), 74–95. <https://doi.org/10.17759/EXPSY.2017100406>
 10. Улановский, А.М. (2009). Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация. *Вопросы психологии*, 55(2), 35–45.
Ulanovsky, A.M. (2009). Constructivism, radical constructivism, social constructionism: the world as an interpretation. *Questions of psychology*, 55(2), 35–45.
 11. Akkerman, S.F., Bakker, A. (2011). Boundary crossing and boundary objects. *Review of Educational Research*, 81(2), 132–169. <https://doi.org/10.3102/0034654311404435>
 12. De Jaegher, H., Di Paolo, E. (2007). Participatory sense-making. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 6, 485–507. <https://doi.org/10.1007/S11097-007-9076-9>
 13. Douglas, M. (2003). *Essays in the Sociology of Perception. 1st edition. London: Routledge*, 348 p. <https://doi.org/10.4324/9781315888866>
 14. Francis, K.B., McNabb, C.B. (2022). Moral Decision-Making During COVID-19: Moral Judgements, Moralisation, and Everyday Behaviour. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/FPSYG.2021.769177>
 15. Killen, M., Dahl, A. (2021). Moral reasoning enables developmental and societal change. *Perspectives on Psychological Science. Nov.*, 16(6), 1209–1225. <https://doi.org/10.1177/1745691620964076>
 16. Van Grunsven, J. (2018). Enactivism, second-person engagement and personal responsibility. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 17, 131–156. <https://doi.org/10.1007/S11097-017-9500-8>
 17. Varela F.J. (1999). *Ethical know-how: action, wisdom, and cognition*. Stanford: Stanford University Press.

Горбачева Е.И., Кабанов К.В., Косова А.А. (2025)
Влияние предметного контекста этически
нагруженной ситуации и бэкграунда...
Социальная психология и общество,
16(3), 122–143.

Gorbacheva E.I., Kabanov K.V., Kosova A.A. (2025)
The influence of the subject context of an ethically
charged situation and the background...
Social Psychology and Society,
16(3), 122–143.

Информация об авторах

Елена Игоревна Горбачева, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и образования Института психологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2747-2342>, e-mail: GorbachevaEI@tksu.ru

Кирилл Валерьевич Кабанов, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и образования Института психологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9626-3005>, e-mail: KabanovKV@tksu.ru

Анастасия Александровна Косова, преподаватель кафедры психологии развития и образования Института психологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1329-1758>, e-mail: KosovaAA@tksu.ru

Information about the authors

Elena I. Gorbacheva, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Professor of the Department of Developmental and Educational Psychology, Institute of Psychology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2747-2342>, e-mail: GorbachevaEI@tksu.ru

Kirill V. Kabanov, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Developmental and Educational Psychology, Institute of Psychology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9626-3005>, e-mail: KabanovKV@tksu.ru

Anastasia A. Kosova, Lecturer at the Department of Developmental and Educational Psychology, Institute of Psychology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1329-1758>, e-mail: KosovaAA@tksu.ru

Вклад авторов

Горбачева Е.И. — замысел, планирование и контроль проведения исследования, сбор и анализ данных, написание рукописи, аннотирование.

Кабанов К.В. — планирование и контроль проведения исследования, сбор и анализ данных, визуализация результатов исследования, оформление рукописи.

Косова А.А. — расчет статистики для анализа данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Elena I. Gorbacheva — conception, planning and control of research, data collection and analysis, manuscript writing, annotation.

Kirill V. Kabanov — planning and control of research, data collection and analysis, visualization of research results, design of the manuscript.

Anastasia A. Kosova — calculation of statistics for data analysis.

All the authors participated in the discussion of the results and agreed on the final text of the manuscript.

Горбачева Е.И., Кабанов К.В., Косова А.А. (2025)
Влияние предметного контекста этически
нагруженной ситуации и бэкграунда...
Социальная психология и общество,
16(3), 122–143.

Gorbacheva E.I., Kabanov K.V., Kosova A.A. (2025)
The influence of the subject context of an ethically
charged situation and the background...
Social Psychology and Society,
16(3), 122–143.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследования проводились в соответствии с местным законодательством и институциональными требованиями. Участники предоставили свое информированное согласие на участие в этом исследовании.

Ethics statement

The research was conducted in accordance with local legislation and institutional requirements. The participants provided their informed consent to participate in this study.

Поступила в редакцию 09.12.2024

Поступила после рецензирования 29.05.2025

Принята к публикации 19.09.2025

Опубликована 30.09.2025

Received 2024.12.09

Revised 2025.05.29

Accepted 2025.09.19

Published 2025.09.30